

В. Г. Вовина-Лебедева

Крестьянские выборы в Верховажье на рубеже XVII–XVIII вв.

Выборность в жизни русских крестьян традиционно считалась основой её организации. В основополагающем труде М. М. Богословского выборам посвящен специальный раздел¹. При этом один из выводов состоял в том, что нужно рассматривать отдельно каждую северную местность, поскольку там не было полностью совпадавших традиций. Н. Е. Носов полагал, что во многих отношениях Север являл раннее буржуазное направление развития и альтернативу самодержавию². Большую роль в исследовании жизни крестьянской волости XVII — начала XVIII в. сыграли труды А. И. Копанева, П. А. Колесникова, Е. Н. Швейковской (Баклановой), Ю. С. Васильева, А. В. Камкина и других историков³.

Олонецкие материалы о выборах земских старост проанализированы в статьях М. Е. Проскуряковой⁴. Вслед за М. М. Богословским она произвела наложение материалов выборов на данные государственных описаний и сравнение результатов, а также анализ большого числа наказных памятей, челобитных, текстов «выборов». Были подтверждены наблюдения, касающиеся важнейшего вопроса о представительности выборов: о том, что в них принимали участие только дворовладельцы, и не всех дворов, не всех деревень, и состав этих деревень постоянно менялся, дворы были разными от случая к случаю, а заинтересованы в выборах и предоставлении начальству необходимых бумаг были не столько сами крестьяне, сколько власти. И также важен проведенный анализ формуляров (и их эволюции) «выборов» — документов, которые подтверждали состоявшееся избрание.

Опираясь на эти и другие работы, можно сделать вывод, что в нашем распоряжении, как правило, имеется мозаичный материал, фиксирующий отдельные этапы выборов и отдельные их виды, относящиеся к разным местностям. Исходя из этого, обращаем внимание на акты, хранящиеся в Архиве СПбИИ РАН, в ф. 27 (Важские акты)⁵. Нами выявлен среди них отдельный комплекс, который ранее никогда не был востребован. Он относится к одной из Устьянских волостей Верховажья — Пежемской. Она не была обойдена вниманием в литературе. Известна уставная грамота крестьянам Устьянских волостей с регламентацией прав кормленщиков 1536 г., обнаруженная М. М. Богословским⁶, и уставная грамота 1555 г.⁷ В грамоте от 15 октября 1555 г. упомянута Пежемская волость, крестьянам которой указано вместо наместников и волостелей выбирать «старост излюбленных», чтобы собирать подати и чинить суд⁸. Привозить деньги нужно было «на Сретеньев день», т. е. 2 февраля. Кроме того, следовало доставить в Москву списки выборных лиц «за руками» крестьян, за неграмотных должны были расписываться их духовные отцы. Судебник 1589 г. напрямую связан возникновением именно с Устьянскими волостями, как полагал М. М. Богословский, которого поддержал А. И. Андреев⁹, хотя несколько иного взгляда придерживался А. И. Копанев, писавший, что, хотя местом возникновения Судебника и были Устьянские волости, но по содержанию он отражал жизнь населения Двинской земли¹⁰.

Сохранилась также жалованная грамота царя Михаила Федоровича крестьянам Устьянских волостей от 8 сентября 1622 г. с подтверждением от имени трех последующих правителей¹¹. Из нее узнаем, что после Смуты вместо выборных лиц в Устьянские волости стали присылать из Москвы приказчиков, которых теперь по просьбам крестьян убирали, и возрождали институт выборных, задачами которых оставались сбор и доставка податей, а также полицейские функции. Ни о каких других обязанностях, как и об иных сторонах местного самоуправления, речи не шло¹². Таким образом, крестьяне Устьянских волостей с середины XVI в. контактировали с властью, заявляли и отстаивали свои интересы.

М. М. Богословский исследовал и частично опубликовал некоторые документы о выборах крестьян Пежемской волости первой половины XVII в., хранящиеся в РГАДА¹³. Опираясь на собранные им материалы выборов земских лиц в Пежемской волости в 1642 г., Е. Н. Швейковская провела анализ формуляров «выборов», а также определила, что выборы мирских властей первой половины XVII в. в Пежеме (как в других Устьянских волостях) происходили не 1 сентября (на Семенов день), а на Сретенье (2 февраля)¹⁴. Поскольку на этот день по уставным грамотам назначались выплаты податей, эти события совпадали во времени.

Труд М. М. Богословского во многом построен на анализе материалов Устьянских волостей, в частности Пежемской. В основном он работал с актами 1630–1640-х гг., ныне хранящимися в РГАДА. Устьянские волости не имели

воеводского управления, а также земских всеуездных властей; были там и некоторые отличия социальной жизни, например существовали, кроме половников, также третники¹⁵. Но Пежемская выделялась и среди них, и даже в 1653 г. просила об отделении в податном отношении, поскольку находилась слишком далеко от остальных Устьянских волостей¹⁶. На акты Пежемской волости М. М. Богословский опирался, когда писал о хозяйственных объединениях крестьян¹⁷, о «переделывании» земли внутри волости¹⁸, о ссылках волостного мира на местное обычное право¹⁹, о местах проведения волостных сходов²⁰, о характере представительства на сходах²¹, об участии волостей в ямском деле²², о большом повальном обыске, проводимом церковным старостой Пежемской волости в 1653 г. по поводу действий земского судейки²³, о сооружении пежемскими крестьянами часовни во время морового поветрия²⁴, об отличиях податной организации Устьянских волостей²⁵. М. М. Богословский разобрал немало случаев из деятельности пежемского земского суда в 1630-х и 1640-х гг.²⁶ Например, в 1634 г. произошло убийство, в котором был обвинен сын Федора Степанова сына Поскотинного, одного из «добрых людей» волости, а в будущем и земского судьи. Тогда он «учинился силен» и не дал земскому судье забрать сына, а когда того все-таки поймали и привели к судье, Федор с двумя другими сыновьями отбил его, причинив насилие земским выборным. Однако это не мешало ему быть избранным через десять лет в судьи самому.

Переходя непосредственно к выборам, отметим, что М. М. Богословский описал их особенности в Устьянских волостях, где по Уставной грамоте выбиралось по три человека на волость (причем в Пежме выбирали земского судью, целовальника и сотского), которых должны присылать в Москву и приводить к присяге не позже Покрова (1 октября)²⁷. Правда, действительность не совпала с этим. Так, в Пежме на 1643 г. выбор земского судьи Ф. С. Поскотинного был написан 6 февраля, хотя к присяге он был приведен еще 19 января, а за год до того судья и целовальник присягали 11 января²⁸. Разбирая обязанности выборных, автор привел пример Пежемской волости, где в выбор 1643 г. была записана необходимость собрать государев оброк (в 112 руб. 20 алт. 5 д.), доставить его в Устюжскую четверть, получить расписку и привезти ее обратно «в мир»²⁹. Каждая устьянская волость доставляла свои сборы отдельно от других, пересылая их со специально нанятыми «посыльщиками» раз в год на Сретенье³⁰. Земский судейка здесь имел в руках и судебную и финансовую власть. Что же касается вознаграждения, то в Пежемской волости в 1641 г. ему платили 2 руб. за отвоз в Москву казенных податей³¹.

Итак, наши предшественники уже ввели в научный оборот пежемский материал по середине XVII в. Однако источников по второй половине и особенно концу столетия известно было немного. Некоторые документы, касающиеся этой волости в постпетровское время, хранятся в Государственном архиве Архангельской области (Ф. 1. Оп. 1), например паспорт, выданный в 1728 г. крестьянину Пежемской волости сотским и денежным сборщиком одного

из погостов для отхода на работы в Новую Ладогу и Петербург³². В связи с этим пежемские акты из фонда № 27 Архива СПбИИ РАН имеют особую ценность. По городской реформе Петра I 1699 г. земские избы с выборными бурмистрами были учреждены на севере не только по городам, но и по волостям³³, и в Пежеме появились земские бурмистры. Сохранилось 17 «выборов» 1704 г. (к которым следует присоединить также один коллективный извет, касающийся выборного лица, одну мирскую сказку и одну расписку). Но лишь два имеют точную дату: один, более ранний, датирован 19 октября 1696 г.³⁴ — выбор в окладчики десятой деньги, другой³⁵ был составлен 1 января 1704 г. (выбор кормового земского старосты). Остальные датированы 1704 г. от Р. Х., обозначен также месяц, но числа не проставлены, хотя для них отведено место. Не думаем, что это дает основание сомневаться в реальности произошедших выборов. Видимо, сами избрания состоялись, но выборщики не были уверены, каким числом следует датировать «выборы». Как мы уже видели и в более раннее время, в Пежемской волости сами процедуры и присяги выборных в Москве не всегда совпадали по времени. Пежемские «выборы» 1704 г. имеют след совместного хранения, а именно скрепы в конце текста с буквами «...жил», что является частью фразы «руку приложил». Вероятно, в какой-то момент они были вручены бурмистру или другому лицу, соединены вместе (возможно, с использованием покровного листа) и заверены, причем таким образом, что часть скрепы попала на некоторые из грамот, а её начало — на несохранившийся покровный лист.

Нельзя, конечно, исключать в виде догадки другого объяснения: «выборы» оформлялись задним числом, когда выяснилось, что при проведении процедуры были допущены злоупотребления. Ведь мы знаем, например, что в 1642 г. пежемские крестьяне жаловались на отца земского бурмистра 1704 г., который тогда провел выборы, опираясь на круг своих родственников, друзей и должников («не всеми крестьяны, своим родом и племенем, и советники, и должными своими людьми»), а имена избирателей писались в выборный список заочно по произволу судьи: «А иных крестьян, — писали жалобщики, — велел писать в выбор... дьячку. И писал де тот дьячек крестьян в выбор не по их крестьянскому велению»³⁶.

Особую ценность представляет то, что пежемские «выборы» из Архива СПбИИ РАН относятся к одному году. Это позволяет понять, сколько, когда и какие избирательные процедуры происходили в волости на протяжении года. В качестве примера разберем два датированных «выбора». В 1695 г. избирали окладчиков десятой деньги. Крестьяне волости (из которых в тексте поименованы 12 человек) выбрали по одному человеку с каждой из трех «сох»: Максима Филиппова Боковикова, Ивана Маркова Ивоина и Феопемта Иванова Черных. Первый признавался, видимо, старшим («обкладывать ему, Максиму, с товарищи»). Они должны были осуществить экстренный сбор средств «ратным людям на жалованье» с «торговых, промышленных и ремесленных людей», причем добрать несобранные деньги и за прошлые годы, «на ослуш-

никах доправля». Это непростое задание означало, что выбранные лица, скорее всего, должны были вступить в конфликт с частью обложенных волостных лиц, и, кроме того, несли ответственность за своевременную присылку денег в Москву («без всякого мотчания»). На обороте грамоты помещены рукоприкладства пяти из двенадцати перечисленных в грамоте крестьян, причем за двоих из них расписались братья, а за одного — другой крестьянин. «Выбор» писался земским дьячком Ивашкой Лукияновым Басовым на Ростовском погосте в Пежемской приказной избе.

Второй датированный «выбор», касающийся земского «кормового старосты», содержит гораздо более подробный список крестьян (32 имени), во главе которых обозначены церковные приказчики трех приходов (Вознесенского, Богоявленского и Рождественского). Земским старостой всех трех приходов на год был выбран Исак Семенов сын Афанасьевых. Однако в тексте назван уже и земский бурмистр, которым в 1704 г. был тот самый Максим Филиппов сын Боковиков, который в 1695 г. избирался в окладчики десятой деньги, и которого можно считать уже опытным в земских делах лицом. Отметим, что в его семье занятие выборных земских должностей можно считать наследственной традицией. Как упомянуто выше, в 1642 г. крестьяне Пежемской волости жаловались на своего бывшего земского судью «Филку Боровикова»³⁷ — как полагаем, отца Максима Боковикова (фамилия которого, как и фамилия отца, могла быть или записана, или прочтена ошибочно, а могла и измениться в следующем поколении). Сам характер обвинения говорит о влиятельности и обширных связях этой семьи внутри волости, с помощью которых Филка сумел провести в земские судьи на следующий год своего зятя. В свою очередь еще двое Боковиковых (Федор Филиппов и Иван Васильев) в 1704 г. записаны среди свидетелей выборов волостного пристава³⁸.

Послухами в тексте «выборов» были часто одни и те же лица. Среди крестьян, перечисленных в «выборе» 1 января 1704 г., встречаем уже упомянутые в 1695 г. фамильные прозвища Крюковых, Зензиновых, Куклина, Миронова, Басовых, они же записаны и в других актах 1704 г., и в более ранних, например крестьяне Поскотинные, известные уже в середине XVII столетия. Мы можем представить тот круг семей, которые составляли верхушку волости, и из которого происходили земские выборные. Обязанность кормового старосты заключалась в том, чтобы встречать, обихаживать (в том числе нанимать телеги) и кормить государевых людей, приезжавших в волость для сбора доходов. Все это делалось на мирские деньги, которые староста брал у денежных сборщиков из общих мирских сборов и записывал в книги, которые затем предъявлял бурмистру. Этому же бурмистру был вручен и сам «выбор», написанный уже не Ивашкой Басовым, а другим лицом, именуемым подьячим земской избы Борисом Гаркотниным. Этот же подьячий оформлял и все остальные «выборы» 1704 г. Он принадлежал, видимо, к уважаемой в волости семье, во всяком случае, еще один Гаркотнин расписался на обороте грамоты. Рукоприкладств

там гораздо больше, чем в 1695 г.: их оставили 29 из поименованных в тексте крестьян, хотя за 21 из них (включая одного из церковных приказчиков) руку приложили другие крестьяне (большинство из которых ставило также и свою подпись), церковный дьячок и пономарь.

Все остальные пежемские акты также достойны того, чтобы быть подробно разобранными, что будет сделано нами в следующей статье. Пока перечислим в целом те выборные процедуры, которые были осуществлены в Пежемской волости в 1704 г. В подборке отсутствует документ об избрании земского бурмистра Максима Боковикова, поскольку выборы имели место в предыдущем декабре. Зато у нас имеется датированный январем коллективный извет на царское имя с жалобой на оскорбление бурмистра со стороны некоторых крестьян³⁹.

Кроме двух уже проанализированных актов, крестьяне выбрали на год и скрепили подписями, доложив бурмистру Максиму Боковику, хотя и без указания точной даты, следующие действия (по месяцам, следующим после выбора земского бурмистра):

- выборы в денежные сборщики по приходам (Богоявленского прихода, Средней сохи, Повельской сохи) (январь);
- выбор в тюремные целовальники (выбирались в одно время два разных лица — сначала одно лицо, затем другое, в остальном текст «выбора» совпадает, как и состав выборщиков) (январь);
- выбор московского посыльщика по приходам (сохранился от Богоявленского прихода) (март);
- выбор денежных счетчиков (два выбора в марте, два в мае);
- выбор в приставы по приходам (Богоявленского прихода в апреле);
- выбор ответственного за оплату ямских подвод (апрель);
- три разных выбора торговыми и промышленными людьми волости двоих окладчиков к сбору десятой деньги на корабельное строение и припасы (в мае); такой же выбор одного человека для сбора десятой деньги за прошлый год (в мае), и еще один выбор в окладчики к десятой деньге (в мае);
- выбор в казенные целовальники (май и октябрь (для отвоза стрелецких денег), декабрь).

Наконец, сохранились два «выбора» нового земского бурмистра, датированных декабрем 1704 г. Оба документа с рукоприкладствами, но это не копии, поскольку имеются некоторые расхождения в порядке рукоприкладств, и главное: согласно одному документу, в бурмистры был выбран Иван Моисеев сын Миронов (с «товарищем» Давыдом Игнатьевым сыном Давыдовым), а согласно другому — Лукиан Григорьев сын Басов («товарищем» которого записан «человек добрый», но имя не обозначено). Объяснением может быть то, что один из выборов по каким-то причинам был признан недействительным, и потребовался новый. Вариант выбора Лукиана Григорьева сына Басова сохранился в двух копиях.

Итак, мы видим, что крестьяне Пежемской волости в 1704 г. были вынуждены для исполнения тех или иных обязательств перед государством как минимум 17 раз в году проводить выборы. Возможно, некоторые лица избирались на одном и том же сходе, но у нас нет точных дат, чтобы судить об этом. Более всего лиц было избрано зимой и весной, летом выборов не было, в октябре и в декабре избирали казенного целовальника, в декабре еще и земского бурмистра на новый год⁴⁰. Кроме этого, можно говорить еще об одном выборном лице — московском посыльщике и челобитчике: «выбора» по нему в 1704 г. нет, но имеется копия его расписки.

Все «выборы» сохранились с рукоприкладствами. В зависимости от того, кого выбирали, различен и состав выборщиков: к примеру, кормового старосту, а также тюремного целовальника выбирали церковные приказчики трех приходов и крестьяне; денежного сборщика — земский мирской староста и крестьяне, в другом случае — только крестьяне; выбор счетчиков включал перечень земского кормового старосты и «мирских людей» (в другом случае — земского мирского старосты и «крестьян»); выборы пристава представлял волостной земский староста и крестьяне одного из приходов; казенного целовальника — земский мирской староста и крестьяне.

Мы можем констатировать также значительную разработанность содержания «выборов» на предмет разного рода случайностей и злоупотреблений. Предусмотрены были все возможные случаи. Так, при выборе денежного сборщика оговаривалось, что он не должен пить, бражничать, не делать никакой «порухи над казной» и над мирскими деньгами, «ни с кем не сужитца», и мирские деньги «на свои прихоти не держать», а если «своим небрежением» что-нибудь из государевой казны «не доберет или потеряет, ино та великого государя казна и мирские денги на нем, зборщике, будут доправлены из его животов». В декабре 1704 г. при выборе казенного целовальника было записано, что делать, если казна «по грехом» пострадает от «сильной руки», т. е. будет пограблена, или пострадает в наводнении или «на огне згорит». Очевидно, все это было основано на прецедентах, реальных неприятных происшествиях.

Выборное лицо воспринималось как наемный человек со стороны общины, ему полагалась плата за труд, корм и что-то вроде командировочных и прогонных: к примеру, у счетчика, пока он занимался счетом, «ему хлеб и харчи наше мирское», и, если нужно ехать в соседнюю волость, это также учитывалось. То же имело место и в случае с мирским челобитчиком в Москву.

Сохранившиеся пежемские «выборы» 1704 г. показывают, что крестьяне воспринимали избрание мирских представителей прежде всего как свою обязанность перед властью. Все «излюбленные» лица должны были выполнять действия исключительно по связи волости с начальством, но не касающиеся внутриобщинных дел: прежде всего это был сбор денег, благополучная отправка их в Москву, раскладка повинностей (для последующего их сбора), содержание опасных с точки зрения государственной власти лиц и т. д. Это подтверждает

вывод, к которому ранее и на материале иного времени пришел М. М. Богословский: что в XVII в. вопрос сбора тягла поглотил все силы и внимание местных крестьянских сообществ, отодвигая в сторону другие интересы⁴¹.

Конечно, нужно признать, что в основной массе до нас дошли документы, фиксирующие отношение с государством, так как их следовало отправлять по начальству. Те же, что оставались в волости и касались ее внутренней жизни, сохранились гораздо хуже. Но нужно учитывать также, что крестьянские выборы и основанное на них самоуправление в принципе были организованы сверху. После годового исполнения своих обязанностей выборное лицо должно было отчитаться и перед миром, и перед властью. Последняя следила за своевременным проведением выборов и правильным функционированием «самоуправления», поэтому тексты «выборов» — также не что иное, как отчет перед начальством.

Таким образом, то, что в историографии обычно называют крестьянским самоуправлением — это к концу XVII в. не самостоятельность, не самоорганизация в полном смысле слова, поскольку в тех сферах, для поддержания которых организовывались выборы, все это было невозможно. Мы не касаемся сейчас вопроса о том, существовала ли и в каких формах до середины XVI в. добровольная самоорганизации общины, но в исследуемое время ее следы не прослеживаются, во всяком случае на материале выборных документов.

Случаи отклонения от заведенной процедуры пугали крестьян, боявшихся неприятностей. Им приходилось писать объяснения начальству и открещиваться от несогласных с решениями сходов крестьян волости, если таковые появлялись. Так было сделано в коллективном челобитье пежемских крестьян Богоявленского прихода 1704 г., в котором они жаловались на действия одного из мирских людей, не согласившегося с избранием в бурмистры упомянутого выше Максима Боковикова. Более всего челобитчиков волновала мысль, что они будут нести ответственность за этот случай.

Если связь мира с государственной властью посредством выборных хорошо прослеживается, то иная сторона — то, что происходило внутри общины, но не касалось сбора податей или других обязанностей перед начальством — оставалась в значительной мере в тени и находилась вне выборных традиций. Это были связи, которые не оформлялись письменно или же закреплялись, например, частными актами, где в числе послухов упоминались лучшие крестьяне, «добрые люди», приглашенные, возможно, исходя из других принципов, чем при земских выборах. Правда, при оформлении частных сделок (например, это видно в антониево-сийских актах XVI в.) присутствовали иногда не просто «мужи», но также сотский или другое выборное лицо⁴², и их статус, видимо, придавал дополнительную силу документу. Однако главным было вписывание в текст имен волостных крестьян, в лице которых мир становился гарантом соблюдения договоренностей. Но это уже происходило, повторим, вне государственной, а, следовательно, и земской выборной сферы.

- ¹ *Богословский. М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., Т. 1. 1909., Т. 2. 1912.
- ² *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.
- ³ *Копанев А. И.* 1) Куростровские столбцы XVI в. // *Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. I.* Вологда, 1970. С. 208–227; 2) Крестьянство Русского Севера в XVII в. Л., 1984; *Колесников П. А.* Основные этапы развития северной общины // *Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6.* Вологда, 1976; *Бакланова Е. Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII — XVIII в. М., 1976. С. 197–219; *Швейковская Е. Н.* Русский крестьянин в доме и мире: Северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012. С. 251–290; *Васильев Ю. С.* 1) Сборные памяти по Троицкой волости Важского уезда конца XVI — XVII в. // *Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. III.* Вологда, 1973. С. 355–379; 2) Влияние крестьянских миров Поморья на податную политику правительства в XVI–XVII вв. // *Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период).* Вологда, 1981. С. 25–40; *Камкин А. В.* Общественная жизнь северной деревни XVIII в. Вологда, 1990.
- ⁴ *Проскурякова М. Е.* 1) Механизм избрания крестьянских старост в карельской деревне (последняя четверть XVII в.) // *Carelica. 2018. № 1.* С. 38–55; 2) «Выбор» в крестьянские старосты в Олонецком уезде 1670–1680-х гг.: Формуляры актов об избрании // *Библиография. Археология. Источниковедение. Вып. 5.* СПб., 2021. С. 15–24.
- ⁵ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — Архив СПбИИ РАН). РС. Ф. 27 (Важские акты).
- ⁶ Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1907. Кн. 1.
- ⁷ Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 1. № 243. С. 264–267.
- ⁸ Там же. С. 265.
- ⁹ *Богословский М. М.* 1) К вопросу о Судебнике 1589 г. // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1905. Декабрь; 2) Еще к вопросу о Судебнике 1589 г. // Там же. 1915. Декабрь; *Андреев А. И.* 1) О происхождении и значении Судебника 1589 г. Пг., 1922; 2) Судебник 1589 г. и его списки // *Известия Российской академии наук.* Л., 1924. С. 207–224.
- ¹⁰ Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 418–424.
- ¹¹ Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 3. № 126. С. 176–179.
- ¹² Там же. С. 177.
- ¹³ *Богословский М. М.* Земское самоуправление... Т. 1. Прилож. V. № 18, 19. С. 103–104.
- ¹⁴ *Швейковская Е. Н.* Русский крестьянин в доме и мире... С. 254–256, 271–272.
- ¹⁵ *Богословский М. М.* Земское самоуправление... Т. 1. С. 134.
- ¹⁶ Там же. Т. 2. С. 130–131.
- ¹⁷ Там же. Т. 1. С. 159. Примеч. 3.
- ¹⁸ Там же. С. 183–184. Примеч. 1.
- ¹⁹ Там же. С. 194. Примеч. 1.
- ²⁰ Там же. С. 203. Примеч. 2.
- ²¹ Там же. С. 215.
- ²² Там же. С. 226–227.
- ²³ Там же. Т. 2. С. 44.
- ²⁴ Там же. С. 48.
- ²⁵ Там же. С. 117–118.
- ²⁶ Там же. С. 181–182, 195, 218–221, 223–224, 240, 251.
- ²⁷ Там же. Т. 1. С. 287–291.
- ²⁸ Там же. С. 316–317.
- ²⁹ Там же. С. 309.
- ³⁰ Там же. Т. 2. С. 149.
- ³¹ Там же. Т. 1. С. 313.
- ³² *Камкин А. В.* Крестьянский мир на русском севере (XVIII век). Вологда, 1999.

- ³³ Богословский М. М. Земское самоуправление... Т. 2. С. 311.
³⁴ Архив СПбИИ РАН. РС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 186.
³⁵ Там же. Д. 268.
³⁶ Богословский М. М. Земское самоуправление... Т. 1. С. 216.
³⁷ Там же.
³⁸ Архив СПбИИ РАН. РС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 280.
³⁹ Там же. Д. 269.
⁴⁰ Для сравнения, в 1643 г. земский судья Пежмы присягал в Москве в январе, а в «выборе» стояла дата 6 февраля. См.: Богословский М. М. Земское самоуправление... Т. 1. С. 316–317.
⁴¹ Там же. Т. 2. С. 288.
⁴² Вовина-Лебедева В. Г. Крестьянское письмо XVI в.: по материалам актов Антониево-Сийского монастыря // История письма от античности до Нового времени. Очерки по эпиграфике, палеографии и дипломатике. М.; СПб, 2022. С. 338–368.

References

- Baklanova, E. N. *Krestyanskii dvor i obshchina na Russkom Severe. Konets XVII–XVIII v.* [Peasant Yard and Community in the Russian North. Late 17th–18th Centuries. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1976. 224 p.
- Kamkin, A. V. *Obshchestvennaya zhizn severnoi derevni XVIII v.: (Puti i formy krestyanskogo obshchestvennogo sluzheniya): Uchebnoe posobie.* [Social Life of the Northern Village in the 18th Century: (Ways and Forms of Peasants Public Services): Textbook. In Russ.]. Vologda, VGPI publ.; VPPO publ., 1990. 95 p.
- Kolesnikov, P. A. Osnovnye etapy razvitiya severnoi obshchiny. [The Main Stages of Development of the Northern Community. In Russ.]. In *Yezhegodnik po agrarnoi istorii*. Iss. 6. Vologda, 1976. P. 16–18.
- Kopanev A. I. *Krestyanstvo Russkogo Severa v XVII v.* [The Peasantry of the Russian North in the 17th Century. In Russ.]. Leningrad, Nauka publ., 1984. 244 p.
- Kopanev A. I. Kurostrovskie stolbtsy XVI v. [Kurostrov Columns of the 16th century. In Russ.]. In *Materialy po istorii Yevropeiskogo Severa SSSR: Severnyi arkhograficheskii sbornik*. Iss. I. Vologda, 1970. P. 208–227.
- Nosov, N. E. *Stanovlenie soslovno-predstavitelnykh uchrezhdenii v Rossii: izyskaniya o zemskoi reforme Ivana Groznogo.* [Formation of Class-Representative Institutions in Russia: Research on the Zemsky Reform of Ivan the Terrible. In Russ.]. Leningrad, Nauka publ., 1969. 601 p.
- Proskuryakova, M. E. “Vybor” v krestyanskiiye starosty v Olonetskom uezde 1670–1680-kh gg.: Formulyary aktov ob izbranii. [“Election” of Peasant Elders in the Olonetsky District in the 1670–1680s: Forms of Acts of Election. In Russ.]. In *Bibliografiya. Arkheografiya. Istochnikovedenie*. Iss. 5. St. Petersburg, 2021. P. 15–24.
- Proskuryakova M. E. Mekhanizm izbraniya krestyanskikh starost v karelskoi derevne (poslednyaya chetvert’ XVII v.). [The Mechanism of Electing Peasant Elders in a Karelian Village (Last Quarter of the 17th Century). In Russ.]. In *Carelica*. 2018. No. 1, pp. 38–55.
- Shveikovskaya, E. N. *Russkii krestyanin v dome i mire: Severnaya derevnya kontsa XVI — nachala XVIII veka.* [Russian Peasant in the House and the Community: Northern Village of the Late 16th — Early 18th Centuries. In Russ.]. Moscow, Indrik publ., 2012. 368 p.
- Vasilyev, Yu. S. Sbornye pamyati po Troitskoi volosti Vazhskogo uezda kontsa XVI — XVII v. [Collected Pamyats of the Troitskaya Volost of the Vazhsky District in the Late 16th — 17th Centuries. In Russ.]. In *Materialy po istorii Evropeiskogo Severa SSSR: Severnyi arkhograficheskii sbornik*. Iss. III. Vologda, 1973. P. 355–379.
- Vasilyev, Yu. S. Vliyanie krestyanskikh mirov Pomorya na podatnyuyu politiku pravitelstva v XVI–XVII vv. [The Influence of the Peasant Communities of Pomorye on the Tax Policy of the Government in the 16th–17th centuries. In Russ.]. In *Sotsialno-pravovoe polozhenie severnogo krestyanstva (dosovetskii period)*. Vologda, 1981. P. 25–40.
- Vovina-Lebedeva, V. G. Krestyanskoe pis'mo XVI v.: po materialam aktov Antonievo-Siiskogo monast'ya. [Peasant Writing of the 16th Century: Based on the Acts of the Antonievo-Siysky Monastery. In Russ.]. In *Istoriya pis'ma ot Antichnosti do Novogo vremeni. Ocherki po epigrafike, paleografii i diplomatike*. Moscow; St. Petersburg, Alians-Arheo publ., 2022. P. 338–368.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. Г. Вовина-Лебедева. Крестьянские выборы в Верховажье на рубеже XVII–XVIII вв. // Петербургский исторический журнал. 2025. № 4. С. 95–105. DOI: 10.51255/2311–603X_2025_4_95

Аннотация: В статье предпринят анализ выборных документов 1704 г. по Пежемской волости, сохранившихся в Архиве СПбИИ РАН. Эти материалы дополняют те сведения, которые сохранились о Пеже за более раннее время и были давно введены в научный оборот. Анализ показывает, что крестьяне Пежемской волости в 1704 г. были вынуждены осуществлять выборы для исполнения тех или иных обязательств перед государством как минимум 17 раз. Однако представление о тотальном выборном начале, которое пронизывало жизнь северных крестьян в XVII в., имеет ограничения. Если связь мира с государственной властью через выборных хорошо прослеживается, то внутренняя жизнь волости, которая не касалась сбора податей или других обязанностей перед начальством, находилась вне выборных традиций и оставалась в значительной мере в тени.

Ключевые слова: Пежемская волость, М. М. Богословский, крестьянское самоуправление, земский бурмистр, Архив СПбИИ РАН.

FOR CITATION

V. G. Vovina-Lebedeva. Peasant Elections in Verkhovazhye at the Turn of the 17th–18th Centuries // Petersburg Historical Journal, no. 4, 2025, pp. 95–105. DOI: 10.51255/2311–603X_2025_4_95

Abstract: The article under scrutiny herein undertakes a thorough analysis of the election documents of 1704 for the Pezhemskaya volost, which have been preserved in the Archives of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. These materials serve to supplement extant information regarding Pezhma for a previously documented period, and have been incorporated into the scholarly discourse for some time. The analysis demonstrates that the peasants of the Pezhemskaya volost were compelled to hold elections in 1704 to fulfil certain obligations to the state on at least 17 occasions. Nevertheless, the notion of a total elective principle that became entrenched in the lives of northern peasants during the 17th century is not without its limitations. In the event of a clear and demonstrable connection between the world and state power through the elected, the internal life of the volost, which did not concern the collection of taxes or other duties to the authorities and was outside the electoral traditions, remained largely in the shadows.

Key words: Pezhemskaya volost, M. M. Bogoslovsky, peasant self-government, zemsky burgomaster, Archive of the St. Petersburg Institute of the Russian Academy of Sciences.

Автор: **Вовина-Лебедева, Варвара Гелиевна** — д. и. н., ведущий научный сотрудник Отдела средневековой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Vovina-Lebedeva, Varvara Gelievna** — Dr. of Sci. in History, Leading Researcher at the Department of Medieval History of Russia, Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: Varvara_Vovina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1465-4139